

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (БУДУЩЕЕ ОЙКУМЕНИ И ПОЛИФОНΙΑ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ)

К началу третьего тысячелетия современная цивилизация обнаружила очевидные симптомы глобального системного кризиса, который всё чаще называют эколого-социальным. Утверждённые ещё в эпоху неолита принципы интенсивной экспансии человека в природную среду его обитания вызвали мощные источники возмущения в биосфере, способствовали возникновению тех деформаций и аномалий в отношениях между обществом и природой, которые сегодня обретают поистине планетарный характер.

Существуя более 4 млрд. лет, биосфера земли филигранно отработала механизмы поддержания гомеостаза и при всех изменениях окружающей среды успешно перестраивала генетическую программу биоты, сохраняя, таким образом, необходимый потенциал её разнообразия, а значит и перспективы прогрессивной эволюции самой биосферы. Сегодня эти механизмы начинают давать сбой, и угроза глобальной дестабилизации жизни на земле становится всё более ощутимой и реальной. Симптомы нового экологического кризиса – фронтальное явление современной социокультурной ситуации. О них уже много сказано и написано, хотя по-прежнему в этих описаниях и констатациях доминирует эмоциональный компонент и недостаточно представлены конструктивно-аналитичные проекты, ориентированные на разработку альтернативных стилей цивилизационной динамики.

Следуя академику Моисееву Н.Н., к числу наиболее опасных социально-экологических аномалий современного мира можно отнести следующие угрозы и противоречия.

Первое – ожидаемое потепление климата из-за выброса в атмосферу CO_2 и других «парниковых» газов. При всей неоднозначности и дискуссионности существующих расчётов перспектив глобального потепления на планете, возможность изменения структуры атмосферной циркуляции выглядит весьма реалистичной. А это с неизбежностью вызовет интенсивное таяние полярных льдов, резкое снижение продуктивности основных житниц планеты, появление турбулентных отклонений в температурных характеристиках многих регионов мира.

Второе – непрерывное сокращение биологического разнообразия и нарушение баланса экосистем. Если в 1900 году естественные экосистемы суши планеты были разрушены на 20%, то к концу XX

века – на 63%. При этом человек всё активнее вторгается в естественные экосистемы океана, деформируя их глобальную конфигурацию прежде всего в полузамкнутых морях и прибрежной зоне. Столь быстрое разрушение природной среды обитания человека и снижение уровня её биологического разнообразия чреваты самыми катастрофическими последствиями и обвальным сокращением численности населения во многих странах и регионах мира.

Третье – создание социотехносферы с такими её характеристиками, как стихийная урбанизация, экспоненциальное накопление отходов техногенной деятельности и загрязнение естественных ландшафтов, снижение качества жизни за счёт деградации природной среды обитания человека. Эти атрибуты современной социотехносферы особенно рельефно обнаруживают себя в городах и мегаполисах, которые являются закономерным этапом естественной эволюции техногенной цивилизации. Мегаполис как форма организации социально-экономической жизни характеризуется достаточно высокой степенью кооперативных связей и отношений, что создаёт предпосылки эффективного воспроизводства различных типов деятельности и соответствующей им инфраструктуры. Города всегда были средоточием социокультурного динамизма, поколений новых идей и технологий. Вместе с тем, экологические последствия урбанизации непосредственно связаны с фундаментальными противоречиями присваивающей цивилизации и являют собой убедительный пример истощения её геоэкономических ресурсов в синхронизации развития биосферы и общества.

Четвёртое – нарушение извечного хода событий в биосфере и трансформация её в качественно иное состояние. Потеря устойчивости биосферной организации в столь глобальных масштабах означала бы не только кардинальную перестройку структурных и функциональных связей биосферы, но и катастрофическую деформацию её социальных и антропогенных компонентов.

Эти и многие другие параметры социально-экологического неблагополучия свидетельствуют об истощении креативного потенциала идеологии покорения Природы, получившей достаточно развёрнутое обоснование в западноевропейской культурной традиции. Человеческому мышлению свойственны антропоцентрические ориентации, поэтому осознание кризисных пределов технократического потребления Природы не могло не породить таких проектов переустройства биосферы, в которых антропный принцип выступал бы в качестве не-

зыблемого конститутивного начала. Целью подобных проектов провозглашалось достижение нового гомеостаза биосферы, призванного обеспечить устойчивое её неравновесие, означающее синхронизированное состояние общества, развивающегося в согласии с законами природной среды как его экологической ниши. В начале 70-х годов XX столетия этот коэволюционный императив был осознан достаточно явно, и уже на конгрессе ЮНЕСКО в 1972 году идея «пределов роста» западной цивилизации с её ценностями всё возрастающей технократической экспансии в природу прозвучала вполне отчётливо. Но потребовалось ещё более 20 лет, чтобы в полной мере осознать возможность катастрофических последствий неадекватной реалиям современности экологической политики. В 1992 году в Рио-де Жанейро на уровне глав правительств состоялся Международный экологический конгресс, на котором был сделан осязаемый шаг в направлении пересмотра основ современной цивилизации и разработки стратегии устойчивого развития. Эта стратегия декларировала принцип недопустимости неограниченного и бесконтрольного использования ресурсов и загрязнения биосферы в результате фронтального экономического роста.

Сама по себе такая декларация явилась значимым и важным событием, поскольку свидетельствовала об осознании реальной экологической перспективы на самом высоком политическом уровне среди тех, кто призван принимать решения. Однако конструктивный потенциал этой декларации оказался существенно ограниченным и к тому же весьма противоречивым по своим последствиям. Возникло ощущение, что программа устойчивого развития и есть та панацея от экологических бед, которая выведет человечество на траекторию гармоничного и всестороннего прогресса. По замыслу авторов этой концепции глобальной стабилизации экологического положения в современном мире процессы экономической динамики должны сопрягаться и не противоречить законам воспроизводства биосферной организации, не нарушать природного равновесия. В общем виде эта интенция может быть оценена только положительно, но принципы её реализации, предложенные комиссией под руководством премьер-министра Норвегии г-жи Брутланд, оказались неприемлемыми для многих стран и регионов современного мира. Программа «устойчивого развития» недвусмысленно предлагала некоторую стабилизацию в отношениях человека и биосферы за счет сохранения и консервации того миропорядка, который к концу XX века обнаружил свою глубинную противо-

речивость и несоответствие принципам социальной справедливости. Именно поэтому она, несмотря на свой конструктивно-созидательный пафос, была подвергнута критике и вызвала активные дискуссии как в среде ученых и специалистов, так и в кругах широкой мировой общест­венности. В результате этих дискуссий была прояснена одна принци­пальная мысль: концепция «устойчивого развития» едва ли может быть воспринята как реально конструктивная программа социально-экологической стабилизации современного человечества. Скорее, её уместно рассматривать как необходимый шаг на пути создания и разработки коэволюционной стратегии развития цивилизации, которая должна обеспечить взаимоопосредованное совместное развитие обще­ства и природной среды его обитания.

Весьма симптоматично, что коэволюционный идеал развития природы и общества резонирует с идеей ноосферы как единой систе­мы, в которой деятельность человека не противоречит законам био­сферы и подчиняется принципам гармоничной рациональности. Причём ещё задолго до того, как образ ноосферы обрёл реальность в сочинениях Леруа, Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского, аналогич­ные идеи были высказаны иранцем Бахаулла. В 40-х годах XIX века он начал говорить о том, что человечество сможет выжить на Земле лишь в том случае, если произойдёт единение народов независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Эту мысль впослед­ствии существенно развил Тейяр де Шарден и обосновал её как фун­даментальную идею своей концепции глобального эволюционизма. Созидательный смысл этой идеи кроется в её культурологической проекции, согласно которой без кардинального изменения системы ценностей и сложившихся в истории форм менталитета обосновать перспективную стратегию коэволюции человека и природы не пред­ставляется возможным.

Это означает, что актуальной задачей сегодня является воссо­здание исторической эволюции культурных форм, в совокупности ко­торых конституировались различные стратегии социального поведе­ния и деятельности, нарабатывались императивы экологического со­знания и принципы взаимодействия человека и природы. При этом важно понимать, что теоретическая реконструкция истории культуры позволяет вскрыть не только её базисные закономерности, фиксирую­щие специфику развития традиционных форм духовного опыта чело­вечества, но и воссоздать логику становления и смены различных ти­пов ментальностей, в частности, экологических и протоэкологических

представлений. Сегодня едва ли кто оспорит тезис, согласно которому глубинные причины современного экологического кризиса коренятся в социокультурных программах индустриальной цивилизации, её традициях и стереотипах мышления. Но не менее верно и то, что в культурной памяти прошлых эпох аккумулированы представления о различных типах и формах отношений человека к природной среде его обитания, о принципах восприятия и конструирования ойкумены. В традициях культура предстаёт как архетип, как образ, воплощающий представления о должных формах коммуникации, поведения и деятельности в различных предметных сферах и смысловых контекстах. Это позволяет использовать традицию в функции референтной культурной инстанции, в которой могут быть представлены ценности и установки экологического сознания определённой исторической эпохи, воплощённые в формах научного, художественного и философского творчества, а также в структурах обыденного опыта и практических навыков взаимодействия человека с природной средой его обитания. Очень важно при этом воссоздать и теоретически реконструировать сложную систему содержательных и функциональных опосредований между различными традициями и их социально-экологическими контекстами, выявить полифонию смыслов социоприродного взаимодействия в многообразных исторических и этнонациональных модификациях экологических знаний, представлений, императивов.

Методологическая ценность историко-культурных реконструкций становления и развития экосознания и скоррелированных с ним культурных феноменов определяется уровнем концептуально-теоретической обоснованности таких реконструкций, их ориентацией на стандарты и эталоны научного мышления. Принципиально важно не редуцировать исторически конкретные формы динамики экосознания в различных социокультурных контекстах к их эмпирическим иллюстрациям с привлечением разнообразного, но системно не выстроенного материала. Репрезентативная параметризация этого материала может осуществляться по многим индикаторам как содержательного, так и формально-структурного характера. При этом обоснование тематической и категориально-понятийной инвариантности религиозно-философских, научных и художественных версий артикуляции экологического сознания приобретает особый смысл, ибо позволяет воспроизводить достаточно широкий культурный контекст, в котором могут быть обнаружены экологические и протоэкологические идеи, ценности, представления. Применительно к «экологическому проек-

ту» античной культуры, для которого смыслообразующей интенцией являлась гармония природы и социума, такой полиморфизм культурных объективаций экосознания проявился в том, что мифопоэтическая размерность экогармонии специфически воплощена в художественных произведениях. В философии – это, прежде всего, идея Космоса как умозрительной модели бытия. Античная наука рассматривает гармонию, ориентируясь на нормативы методологического объективизма и неразрывной связи человеческого и природного миров.

Для эпохи средневековья сакрально-символическая модель природы и формы ее интерпретации в различных по жанру и стилистике религиозно-философских текстах, в научных и литературных произведениях также обнаруживают свою идейно-содержательную инвариантность в универсальной максиме божественного происхождения природного мира.

Приоритеты экосознания в эпоху Возрождения или Нового времени характеризуют единство макрокосма и микрокосма, либо воспроизводят основные предпосылки техногенных трансформаций культуры, объективируясь также в разнообразных текстах и типах дискурса.

Программа целостной реконструкции экологической мысли народов мира не может не учитывать и принципа этнонациональной и культурно-региональной спецификации генезиса и исторической динамики важнейших форм экосознания. В связи с этим, проблемой принципиального уровня является воссоздание тех культурных традиций, в контексте которых вызревали и конституировались образцы экоментальности и соответствующие им типы природопользования, принятые и распространенные среди народов Востока. Этот аспект диалога культурных традиций Запада и Востока имеет не только безусловное социальное значение, но и может быть рассмотрен как методологический регулятив, ориентирующий исследователей на создание подлинно репрезентативных по содержанию и аутентичных по форме концептуальных реконструкций экологической культуры.

Необходимо указать еще на один методологический параметр, который задает существенные ориентиры научно-исследовательской программе системной реконструкции исторических форм экосознания, зафиксированных в культурной памяти человечества его ценностях и традициях.

В качестве такого методологического императива должен быть использован принцип структурно-содержательной дифференциации

классических и постклассических форм экосознания. Известно, что только в XX столетии социально-экологическая проблематика приобретает особую роль и конститутивный статус в современной культуре. Если в классических версиях западноевропейской культуры экологическая составляющая была представлена, как правило, в синкретичных формах философских, научных или художественных текстов, то, начиная со второй половины XX века, она заявляет о себе как об одном из смыслообразующих начал культуры в самых различных ее формах и проекциях. Можно сказать, что завершающая фаза XX столетия проходила под эгидой перманентного нарастания социально-экологической напряженности и не удивительно, что зачастую этот динамичный период человеческой истории метафорически оценивается как эпоха «радикальной экологии». Данное обстоятельство делает вполне оправданной установку на теоретическую реконструкцию форм и динамики современной экокультуры вне зависимости от специфики ее этнонациональных и региональных версий.

Перечисленные методологические нормативы и ориентации позволяют хотя бы в первом приближении очертить абрис масштабной исследовательской программы, призванной теоретически реконструировать тот пласт культурного наследия классической эпохи и постклассического периода истории, в котором представлены и воплощены экологически размерные идеи, ценности, знания и представления. Такая концептуально и эмпирически обоснованная реконструкция истории экологической мысли позволит реально продвинуться по пути воссоздания подлинно полифонического стиля мировосприятия и обосновать продуктивно-эвристические версии разрешения социально-экологических противоречий современного общества.

А.И. Зеленков